

Узкая, подтянутая талия Хань Хэна оказалась совсем не такой, как представлял себе Чжуан Лин. Его ладонь медленно скользила по пояснице юноши, замирая у багрового синяка на боку. Спина тоже была усеяна ссадинами — следами недавнего падения с обрыва. Чудо, что он вообще выжил.

Почувствовав, что руки за его спиной замерли слишком уж надолго, Хань Хэн невольно передернул плечами:

— Что ты там делаешь?

Прикосновение грубых, мозолистых пальцев к обнаженной коже рождало странное, почти пугающее ощущение. Казалось, на нем оставляют несмываемое клеймо.

— Спину тебе тру, — небрежно отозвался Чжуан Лин.

— Какая честь: сам господин ухаживает за своим ничтожным слугой. Мне несказанно повезло, — съязвил Хань Хэн, но тут же поморщился от резкой боли в разбитом уголке губ.

Положение хуже некуда: изнурен, голоден до полусмерти, да еще и связан с типом, чьих мотивов не понять. Нужно поскорее выведать у него хоть что-то, зацепиться за прошлое этого тела, чтобы выжить. А дальше...

На мгновение взгляд Хань Хэна затуманился, но он быстро взял себя в руки.

— Хозяин.

Этот негромкий зов заставил Чжуан Лина очнуться. На его лице промелькнуло тщательно скрываемое отвращение, но пальцы по-прежнему лежали на узкой талии Хань Хэна. Кожа под ними была нежной, словно дорогой шелк. Чжуан Лин повидал немало красавиц, но вынужден был признать: перед ним — истинное сокровище. Пускай тело и покрывали ссадины, уцелевшие участки белизны и мягкостью превосходили женские.

И все же, каким бы великолепным ни был этот юноша, из-за проклятого пророчества ему была уготовлена лишь одна участь — стать игрушкой в чужих постелях.

Чжуан Лин поджал губы:

— Чего тебе?

— Я совсем ничего не помню, — тихо проговорил Хань Хэн. — Если ты расскажешь мне о прошлом, возможно, память вернется.

Чжуан Лин холодно усмехнулся.

— У меня сегодня хорошее настроение. Что именно тебя интересует?

Хань Хэн мысленно выдохнул. «Надо же, как легко согласился». Видимо, внешность этого тела действительно творила чудеса. Поскольку Чжуан Лин стоял позади, Хань Хэну не приходилось лицезреть его уродливую физиономию, а сам тот, ослепленный вождением, сделался на удивление покладистым.

Хань Хэн решил не упускать шанс:

— Ты знал меня прежде? Мы ведь встречались? Расскажи, как это было. Опиши ту встречу — вдруг я что-то вспомню.

Хань Хэн разрывался от противоречий. С одной стороны, ему отчаянно нужны были зацепки, с другой — хотелось верить, что в прошлом они с этим человеком не были кровными врагами. Если Чжуан Лин его толком не помнит, жить станет намного безопаснее.

За спиной воцарилось молчание.

Хань Хэн удивленно обернулся.

Чжуан Лин выглядел потерянным. Он застыл взглядом на водной глади, бездумно поглаживая кожу у самого копчика Хань Хэна.

«Твою мать...» — выругался про себя Хань Хэн. Он поспешно отодвинулся и снова, изображая робкую покорность, позвал:

— Хозяин?

Тот словно очнулся от наваждения. Слегка покашляв, чтобы скрыть смущение, он опустил глаза:

— У тебя живого места на теле нет. Почему молчал в дороге? Обсохни и ложись в постель. Я пойду за лекарем, а ты никуда не вздумай уходить.

— Хорошо.

То ли Чжуан Лин пропустил вопросы мимо ушей, то ли сознательно проигнорировал их, но Хань Хэн не посмел настаивать. Когда с мытьем было покончено, Чжуан Лин бережно завернул его в большое полотенце, перенес на кровать и принялся осторожно вытирать ему мокрые

ВОЛОСЫ.

Хань Хэн лежал неподвижно, боясь даже вздохнуть.

Он отчетливо улавливал перемену в настроении своего спутника. Неужели этот уродец настолько падок на красивую плоть?

— Дальше сам справляйся. Я за лекарем, — бросил Чжуан Лин и поспешно ушел. Его уход больше походил на паническое бегство.

Едва за ним захлопнулась дверь, Хань Хэн соскочил с постели. В комнате нашлось лишь крошечное медное зеркальце размером с ладонь, в котором было трудно разглядеть себя целиком. Хань Хэн долго готовил себя к худшему, ожидая увидеть изуродованное, покрытое шрамами лицо.

Но реальность превзошла все ожидания.

Лицо было не просто уродливым — оно вызывало содрогание.

Оно распухло, превратившись в сплошной багрово-синий кровоподтек. В самых глубоких ранах белела кость. Поверх старых повреждений алели свежие, сочащиеся сукровицей полосы — явные следы когтей той самой обезьяны, которую он недавно благополучно съел.

Хань Хэн занес дрожащую руку, но так и не решился коснуться этого месива.

Пальцы мелко дрожали — сказывался голод и нервное истощение. Во всем этом кошмаре лишь одна деталь показалась ему смутно знакомой. Кончики его пальцев замерли у самого глаза: длинный шрам тянулся от скулы к уху. Тот, кто сотворил это с ним, проявил лишь одну милость — пощадил глаза.

И именно они заставили Хань Хэна затаить дыхание.

В отражении застыл его собственный взгляд — точь-в-точь как у Пэй Цзя. Глаза с разрезом «персикового цветка»: три части лукавства, семь — влажной, манящей нежности.

Хань Хэн осторожно провел пальцем по веку, невольно любуясь: «Надо же, какая красота».

Один режиссер когда-то допытывался, не делал ли он пластику век, а получив отрицательный ответ, лишь покачал головой: «Актер из тебя пока средненький, работать и работать. Но глаза... черт возьми, один такой взгляд — и у зрителя внутри все переворачивается. Далеко пойдешь, парень. Жаль только...»

Чего именно было жаль, Пэй Цзя тогда так и не узнал. В те годы он прозябал в массовке, играя безликих слуг при богатых господах. Пробиться без связей на вершину киноиндустрии, где каждый шаг — битва, казалось делом почти безнадежным.

Хань Хэн снова посмотрел в зеркало. Со второго раза лицо уже не казалось столь пугающим, хотя опухшая кожа и глубокие шрамы ясно давали понять: прежней красоты не вернуть.

Он отложил зеркальце, сбросил полотенце и оглядел себя.

«Твою же мать, ну и хрупкое создание...» — пронеслось в голове. Еще когда он разглядывал свои ладони, закралось смутное подозрение. Пальцы были длинными, но кости — тонкими и изящными. На фотографии в соцсетях такая рука сошла бы за женскую, принадлежащую какой-нибудь пианистке.

Для мужчины у этого тела была слишком тонкая кость.

Хань Хэн опустил взгляд ниже, разглядывая безупречно гладкие, точеные ноги. Ни единого волоска. Не удержавшись, он провел ладонью по икре.

Какая нежная кожа!

Он погладил ногу еще немного, затем коснулся плеча. Неудивительно, что Чжуан Лин так долго не мог оторвать рук — от такой гладкости любой мужчина голову потеряет. Эх, будь он девицей, точно нашел бы себе богатого покровителя.

Но нет, все мужские атрибуты были на месте, пускай и без намека на рельефные мускулы. Кожа оказалась до того нежной и бледной, что любая царапина тут же расплывалась уродливым багровым пятном.

По крайней мере, внутренних повреждений он не ощущал. Самым пострадавшим участком оставалось лицо.

Но как он оказался на дне ущелья? Сам прыгнул? Или кто-то помог? Если его преследовали, почему никто не спустился проверить, мертв ли он? Это не имело смысла.

Разве что... он прыгнул сам, спасаясь от погони, которой не было дела до его трупа. Но зачем перед смертью так уродовать собственное лицо? Что за безумец обитал в этом теле до него, и через какой ад ему пришлось пройти?

Размышления прервал скрип двери. Чжуан Лин вернулся в сопровождении седовласого

лекаря.

Старик, как ни старался скрыть эмоции, не смог сдержать жалости при виде изувеченного лица юноши.

— Боюсь, прежний облик вернуть не удастся, — вздохнул лекарь, бережно обрабатывая раны.
— Я смажу глубокие порезы и выпишу рецепт для укрепления сил. Ему нужен покой, пусть полежит пару дней, никаких нагрузок.

В этот момент на лице Чжуан Лина отразилось странное выражение... Похоже на искреннюю тревогу?

Хань Хэн даже испугался собственного вывода.

Когда старик ушел, Чжуан Лин присел на край постели и коснулся влажных волос юноши. Он нахмурился:

— Почему лег спать с мокрой головой? Простудиться вздумал?

— А... забыл, — растерянно пробормотал Хань Хэн. У него никогда не было привычки сушить шевелюру — со своими короткими стрижками он не знал подобных забот. А теперь мокрые пряди спускались ниже поясницы.

— Ты слишком слаб, беречь себя надо, — негромко, но строго произнес Чжуан Лин, принимаясь бережно вытирать его волосы полотенцем. — Будешь и дальше так изводить себя — клянусь, по возвращении в столицу я сделаю тебя своим настоящим рабом.

— Разве я и так не твой раб?

— Стал бы я так возиться со слугой, — хмыкнул Чжуан Лин.

Хань Хэн лишь приподнял бровь, предпочтя промолчать. Движения Чжуан Лина были на удивление нежными. Стоило им добраться до города, как этот грозный тип словно превратился в другого человека.

— Слушай, а можно я не буду звать тебя хозяином? — спросил Хань Хэн, слегка поерзав. — Язык не поворачивается.

Он не смел повернуться к собеседнику лицом — все-таки характер у того был взрывной, мало ли что.

— Называй меня по имени.

Хань Хэн решил, что ослышался. Он искоса взглянул на Чжуан Лина и обомлел: тот попытался улыбнуться.

Эта улыбка выглядела невероятно чуждо на суровом лице. Он с такой натугой попытался улыбнуться, будто не делал этого последние лет сто.

Хань Хэн не сдержал короткого смешка, тут же перешедшего в кашель:

— Ну уж нет... Пожалуй, я лучше останусь при «хозяине».

— Почему? Мое имя так трудно произнести?

Хань Хэн натянул полотенце на лицо, и его голос зазвучал приглушенно:

— Жутковато как-то. Ты ведь сам велел мне во всем тебе потакать. Что, уже передумал?

— То было в глуши, — мягко ответил Чжуан Лин. — Там у меня не водилось времени на долгие разговоры. Каждый лишний день в лесу грозил опасностью. Мне не хотелось, чтобы ты страдал от голода и страха в этих Богом забытых горах ни единой лишней минуты.

Он убрал полотенце с его лица и ласково провел ладонью по шелковистым волосам. Черные пряди послушно скользили сквозь пальцы, даря странное, щемящее чувство покоя.

— Теперь мы в безопасности. Сначала поешь, потом выпьешь лекарство. Мы побудем здесь пару дней, и за это время я отвечу на все твои вопросы. — Его голос звучал непривычно тепло.
— Подумай, о чем хочешь спросить. Я расскажу все, без утайки.

На лице Чжуан Лина не было и следа прежней суровости. В его осанке и жестах сквозило благородство, не позволявшее усомниться: такому человеку незачем лгать.

— Но нам нельзя здесь задерживаться, — разыгрывая тревогу, напомнил Хань Хэн. — Мои родители все еще в темнице.

— Это неправда, — со вздохом признался Чжуан Лин. — Я злился на тебя, вот и выдумал эту ложь, чтобы проучить. Твой отец давно почил, а матушка жива-здоровая, ждет тебя в столице.

Он легонько похлопал Хань Хэна по плечу:

— Сначала поешь, отдохни, а после я все подробно расскажу. Я спущусь за ужином, подожди

меня.

Едва за ним закрылась дверь, на лице Хань Хэна отразилось глубокое недоумение. Он задумчиво перевел взгляд на порог.

Значит, все это время Чжуан Лин притворялся? Ради этого тела он даже сумел переступить через собственную гордость и выдать из себя подобие ласки. Возможно, перерождение в новом мире действительно сулило неплохую долю. Хань Хэн почувствовал, как с души спал тяжкий груз. Ему до смерти надоело прозябать в нищете, и проживать еще одну жизнь в роли нищего оборванца он точно не собирался.

<http://bllate.org/book/20487/2130871>